

«Динозавры вымрут и придет молодежь, которой не у кого будет учиться. Резкая смена произойдет. Надо полагать, что и школа резко изменится», – так объяснил руководитель находящейся на Камчатке Елизовской физико-математической школы Сергей Новиков основной вызов, с которым столкнется школа в ближайшем будущем. В четверг школьники сдавали сразу несколько экзаменов – по информатике, биологии и истории. Результаты тестов появились в Сети за несколько дней. А главный скандал вспыхнул в понедельник, когда ответы на задания по русскому языку можно было скачать почти свободно.

Общественного недовольства не сгладили ни пространные заявления Рособнадзора о том, что виновных накажут, ни слова вице-премьера по социальным вопросам Ольги Голодец о «фальшивках», которые выкладываются вместо ответов, ни комментариев главы правительства Дмитрия Медведева о достаточности оснований для принятия решения об аннулировании результатов ЕГЭ для тех, кто все это выкладывает в открытый доступ.

Противников у ЕГЭ было достаточно всегда, но есть учителя и директора школ, которые защищают единый государственный экзамен. С одним из них газета «ВЗГЛЯД» и побеседовала о том, какие проблемы действительно важны для сегодняшней школы. Сергей Новиков – руководитель Елизовской физико-математической школы (Камчатка), педагог, награжденный медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

За последние три года ученики Сергея Новикова получили 20 дипломов на международном турнире «Математическое многоборье» (МГУ, Москва), 11 дипломов на международном Турнире городов, 19 дипломов на региональных олимпиадах, 25 дипломов на интернетолимпиаде по математике, 29 дипломов на международной дистанционной олимпиаде «Третье тысячелетие», 9 дипломов на заочной межрегиональной олимпиаде, 74 диплома на муниципальных олимпиадах. В 2011 году 1 ученик стал призером финала Всероссийской олимпиады и был включен в число кандидатов в состав сборной команды Российской Федерации по математике.

ВЗГЛЯД: Сергей Николаевич, последние скандалы с ЕГЭ вновь актуализировали разговоры о том, что экзамен стоит отменить и вернуться к старой, устной и письменной, форме. Насколько эта идея кажется вам правильной?

С.Н.: Возвращаться нельзя. Давайте не будем делать вид, что мы не знаем, как сдавались экзамены раньше. Шло открытое списывание, учителя помогали, как могли. В вузах экзамены просто продавались. Все-таки ЕГЭ сделал экзамен экзаменом.

ВЗГЛЯД: Но критика ЕГЭ не стихает.

С.Н.: Она отчасти ведется заинтересованными сторонами. Теми же вузами, которые потеряли доходы, учителями, которые боятся, что их ученики не напишут экзамен, ну и родителями – от страха. То, что списывают – все это есть, никто же не отрицает.

Но давайте посмотрим на результаты по прошлому году: по математике 51

«стобалльник» по России. Я думаю, что если бы было повальное списывание, их было бы гораздо больше. Нарушения есть, за них нужно наказывать жестко.

ВЗГЛЯД: Уже существует идея «уравнять» время экзаменов, чтобы варианты с Дальнего Востока не попадали в европейскую часть страны до ЕГЭ. Это разумное предложение?

С.Н.: Как минимум время можно сместить так, чтобы «запад» начинал раньше, чем «восток» закончил, то есть «восток» еще не вышел из аудитории, а «запад» уже сел за парты. Я думаю, что возможно, хотя уже пишут, что это нельзя делать, потому что дети

окажутся в неравных условиях: кто-то будет писать утром на свежую голову, а тот же Дальний Восток будет писать вечером, когда «голова забита». Но, я думаю, возможно попробовать сблизить время.

ВЗГЛЯД: Что еще можно сделать, чтобы предотвратить списывания? ОМОН поставить у школы?

С.Н.: У нас здесь, на Камчатке, стоит полиция на входе, стоят рамки, чтобы не было телефонов. И учителя, в общем-то, доступа в помещение школы не имеют вообще.

ВЗГЛЯД: Как же так получается, что ответы все равно попадают?

С.Н.: А вы вообще уверены в том, что это те ответы, простите? Мне просто стало интересно – я набрал запрос «продам ЕГЭ», нашел несколько вариантов. Но, честно говоря, ни один из них мне доверия не внушил. Просто какие-то ребята пытаются зарабатывать деньги обманом. Понятно, что у них нет ничего. Но, опять-таки, 51 «стобалльник» за прошлый год по математике – я не знаю, какие еще доказательства нужны. Списывать очень трудно, если вообще возможно.

ВЗГЛЯД: Кажется ли вам разумной идея, когда своих учителей при ЕГЭ вообще нет? То есть когда, например, учителя из Сибири приехали проверять, контролировать, скажем, экзамены на Камчатке?

С.Н.: Я думаю, что в этом нет необходимости, потому что учителя в школы не допускаются. Мало того – дети пишут не в своей школе. Потом – они сидят по одному, места заранее расписаны, кто куда сядет. Сидят в одном кабинете дети из разных школ. Что касается того, чтобы выезжать в другой регион учителям – это, во-первых, дорого, во-вторых, неразумно. Другое дело, что часть «А» и часть «В» проверяется машиной, компьютером, а часть «С» проверяется людьми, педагогами. Насколько я знаю, я в комиссии участвую, работы приходят к нам анонимно. Но, судя по всему, на Камчатку приходят камчатские работы, в Иркутск – иркутские, в Москву – московские. Вот тут бы разумно как раз на Камчатку, скажем, присылать иркутские, в Иркутск – томские, в Томск – московские и т.д.

Отмечу, что проверка ведется двумя педагогами независимо. Эти пары все время меняются. Никто не знает, кто с кем проверяет одновременно. Если баллы не совпадают, тут же идет перепроверка.

Проблема есть, но она совершенно из другой области. Существует опасность, что Москва хочет спустить на регионы финансирование ЕГЭ – вот это плохо. Экзамен будет хуже финансироваться, значит, будет проводиться менее строго.

ВЗГЛЯД: То есть будет коррупция?

С.Н.: Возможно, да. Как только пойдет послабление – появятся лазейки.

ВЗГЛЯД: Насколько, на ваш взгляд, адекватен ЕГЭ по точным наукам, по математике?

С.Н.: Очень хороший экзамен. Во-первых, математика – единственный предмет, где нет задач, нет части «А», где надо выбрать один из правильных ответов. Нет, нужно все посчитать. У нас остались только часть «В» и часть «С». Задания в части «В» достаточно простые, чтобы решить их, обладая элементарным набором знаний.

И в то же время часть «С» очень серьезная. «С1», «С2» – они школьные, то есть чтобы нормальный школьник безо всякой дополнительной подготовки смог получить свою «пятерку». «С3» – это уже уровень вступительного экзамена. «С4» – это уровень вступительного в хороший вуз. «С5» – уровень вступительного в МГУ. «С6» – олимпиадный уровень. Кто как выучил, тот так и напишет.

ВЗГЛЯД: Но может не написать? Все-таки тест. И талантливый ученик может не

попасть в вуз?

С.Н.: Олимпиадная система работает. У нас призер всероссийской олимпиады поступает в любой вуз без экзаменов, вплоть до мехмата МГУ.

Мы – одни из лидеров в мире, на данный момент практически вся математическая элита в мире – это наши соотечественники, тот же Перельман, тот же Смирнов. Это как раз бывшие олимпиадники, победители международных олимпиад по математике. Созданы и вузовские олимпиады. Создан совет ректоров под председательством Виктора Садовниченко, ректора МГУ. Вуз проводит олимпиаду, подает заявку в этот совет. Совет ректоров ее принимает или не принимает. Если принимает, значит, он входит в перечень. И тогда по результатам олимпиады вот этого вуза можно поступать. Через олимпиады сейчас поступает достаточно большое количество учеников.

Право на двойку.

ВЗГЛЯД: Еще одна претензия состоит в том, что обучение, особенно в старших классах, вообще превратилось в натаскивание на ЕГЭ, в решение типовых задач и т.д. Что это даже не обучение уже в прямом смысле слова?

С.Н.: К сожалению, такая проблема есть. Почему так получается? Давайте рассмотрим такую ситуацию: два учителя – у одного, допустим, ЕГЭ десять человек написали на 90 баллов – шикарный результат, и три человека у него получили двойки, то есть не прошли порог; а у другого все ученики набрали не более 50 баллов, то есть низкий результат, но зато у него все перешли порог. Он натаскал всех.

Хорошим будет считаться именно второй учитель. Первый будет плохим: у него есть двоечники. У учителя нет права на двойку. Если у него вдруг кто-то не написал – это беда, его за это наказывают. Учителя сейчас просто совершают героические вещи – они заставляют, натаскивают тех, кто не может, тех, кто не хочет. На умных времени не осталось. Если дать учителю право на двойку, то ситуация изменится.

ВЗГЛЯД: Дать право на двойку – это что? Выгонять из школы детей? Оставлять их на второй год? Но двоек действительно почти нет. А что делать с этими детьми?

С.Н.: Ну, а какой смысл его держать в школе?

ВЗГЛЯД: Понятно, что нет никакого смысла.

С.Н.: Вы понимаете, уровень образования в стране упал. И он упал не сегодня и не вчера – он упал, собственно говоря, с введением всеобщего обязательного среднего образования. Вот когда ввели всеобщее обязательное, учителя стали обязаны выпустить всех, всем поставить не ниже трех. Ну и все, учись – не учись, тебя выпускали. Ученики это прекрасно знали.

Я думаю, выгонять нельзя. Просто этот лоботряс не получит аттестат. Чтобы получить аттестат, нужно учиться. Не учишься – не получаешь. А сейчас получают все.

Качество и демография.

ВЗГЛЯД: При этом падение качества образования связывают именно с ЕГЭ...

С.Н.: Это не так. Просто ЕГЭ вскрыл то, что есть на самом деле. Вот результаты – да. Оказались просто удручающими. Потому что минимальный порог не преодолеть – я как математик говорю – это надо просто не знать математику. И вдруг оказалось, что у нас огромный процент детей просто не знает. Порядка 12–15%.

ВЗГЛЯД: Вузы жалуются – плохие абитуриенты...

С.Н.: Это правда, абитуриенты стали слабее. Но только ЕГЭ-то тут ни при чем. У нас страна, в которой около 140 млн населения. У нас должно быть 2 с половиной миллиона выпускников, число вузов рассчитано именно на такое количество. А у нас их сейчас 700

тысяч. Ну и, естественно, в вузах недобор – они берут кого попало. Они берут двоечников и потом удивляются, какие слабые дети – виноват ЕГЭ. ЕГЭ вообще ни при чем. Просто нет детей. Ведь школы сейчас заполнены на треть, по сравнению с советскими временами.

ВЗГЛЯД: Еще одно общее место сегодня – то, что дети благодаря компьютеру, благодаря интернету, просто гораздо хуже стали сами по себе безотносительно того, что это всеобщее образование. У вас есть такое ощущение, что цифровой век их испортил? Или это из области мифов?

С.Н.: Виноват не цифровой век, конечно. Хотя дети стали слабее, да. Тут, я думаю, другие проблемы. Одна проблема в самих детях точно – детей стало меньше. Дети хуже питаются, чем в те времена. Это сказывается. На самом деле дети перегружены, а вроде как знают меньше.

Другая сторона – учителя. В советские времена учитель имел ставку – 18 уроков в неделю. Это считалось идеалом. 27 часов – полторы ставки – только с разрешения управления образования в случае жесткой необходимости. Выше 27 – ни под каким предлогом. Сейчас же учителя имеют по две, по три ставки, потому что иначе не выжить.

ВЗГЛЯД: А это сколько часов? Просто для сравнения.

С.Н.: 18 часов – ставка, то есть выходит 36 часов, за 40 переваливает. Самый добросовестный учитель не сможет качественно вести такое количество часов.

ВЗГЛЯД: Эти часы – почему? Потому что детей мало? Или потому что зарплаты низкие?

С.Н.: В первую очередь зарплаты, конечно. Все для того, чтобы учитель нормально получал. Сейчас говорят, что учитель получает не так уж и плохо, но это – работа на две и более ставки. На ставку-полторы просто не выжить. Помидоры по 500.

ВЗГЛЯД: А ставка-полторы – это сколько?

С.Н.: 4700 рублей – ставка молодого педагога. Семь с половиной – полторы ставки. Еще за проверку тетрадей добавляют, за классное руководство добавляют, за стаж. У нас на Камчатке еще, если человек здесь родился, все умножается на 2,5. То есть 4700, ну, пусть 5000 для молодого учителя, на 2,5 – это будет 12500 рублей.

ВЗГЛЯД: На Камчатке на это можно прожить?

С.Н.: На Камчатке это вообще ничего. У нас цены гораздо выше: помидоры – 500 рублей за килограмм.

В то же время есть такое понятие, как средняя температура по больнице. Средняя зарплата учителей на Камчатке – 47000 рублей. Но в эту «среднюю» входит администрация, которая получает значительно больше учителей, и плюс туда же идут всякие заслуженные люди, у которых по 30–40 лет стажа и прочее, и те самые учителя, которые тянут 2,5 ставки. Нехватка

ВЗГЛЯД: Но при этом и учителями не очень довольны. Чаще всего – родители. Мол, плохо учат...

С.Н.: А зачем вообще нужно образование?

ВЗГЛЯД: Насколько я понимаю, в логике министерства образование нужно, чтобы дети не шатались по улице, не занимались плохими вещами.

С.Н.: В принципе, Министерство образования перед школой ставит именно такую задачу: дети должны быть под присмотром. Образование отходит на второй план.

Но дело в том, что образование нужно промышленности. Промышленность в загоне – образование покатило вниз. Я думаю, что как только начнет подниматься

промышленность, сразу следом начнет улучшаться и образование. На данный момент школа существует как будто по привычке, сама по себе: да, когда-то было хорошее образование...

Гуманитарное образование, я думаю, нужно лишь при хорошей жизни. Мы как-то пока проедаем то, что было наработано предыдущими поколениями, и можем заниматься гуманитарными разными науками. А когда то, что мы проедаем, кончится, и эти предметы станут ненужными.

ВЗГЛЯД: Странно. Все, буквально все работодатели постоянно жалуются, что не хватает квалифицированных кадров. И там не хватает, и здесь, нигде...

С.Н.: Во-первых, в жуткие 90-е годы, годы, когда все пришло в упадок, замечательные ученые и учителя поуходили, поспивались, поумирали. Проблема не в школе, проблема в том, что выпускников – 700 тысяч человек: куда их?

У нас же сейчас настанет ситуация очень простая: некому защищать границы, некому работать, вообще некому что-то делать. Ведь эти 700 тысяч – меньше, чем треть от нормы, которая нам положена. Поэтому нехватка будет всех и везде, но винить в этом школу?

ВЗГЛЯД: И в школе будет нехватка?

С.Н.: Да. В школу сейчас приедешь – средний возраст преподавателей просто удручающий. Мне – 52 года, я в 22 года пришел работать в школу, я был молодым преподавателем математики, я был молодым и в 30, и в 40, и в 50 лет я сейчас – ниже среднего возраста.

ВЗГЛЯД: А есть же программы поддержки молодых учителей и т.д. Они не работают, на ваш взгляд?

С.Н.: Пока не видно, чтобы они работали. Результата не видно. Но ведь и старики стоят, расставив локти, не пуская молодежь, потому что если делиться часами, меньше будешь зарабатывать.

Они не могут стоять вечно. Средний возраст педагогов уже перевалил за 50. Это поколение уйдет. Плохо то, что резко произойдет смена: динозавры вымрут, и придет молодежь, которой не у кого будет учиться, не у кого перенимать опыт. Резкая смена произойдет. Надо полагать, что и школа резко изменится.